

Игорь Буняев

БОЛЬ

ИЗБРАННОЕ

Санкт-Петербург
«Путь»
1995

84Р7

Г 83

Григорьев И. Н.

*Г83 Боль: Избранное.—Санкт-Петербург,
«Путь», 1995,—с.*

Русский поэт Игорь Григорьев назвал книгу своей избранной лирики «Боль». Многого стоят стихи, написанные болью.

ISBN 5-87990-006-1

Без объявления

© *И.Н. Григорьев, 1995 г.*

Поэт последней деревни

*—Кто бы мог подумать, что этот
«кавалерист» на псковском коньке
введет в русскую поэзию!*

Вера Панова

Игорю Григорьеву—поэту милостию Божией—от нас досталось немного хваления, порядочно ругани и предостаточно замалчивания. Еще в 60-х годах критик Аркадий Эльяшевич писал:

«Жизнь не баловала И. Григорьева. Его поэтическая судьба сложилась необычно. Выступив перед читателями с первыми стихотворными сборниками уже в зрелые годы, он и сегодня остается пасынком критики. А между тем оригинальность творческого голоса поэта не подлежит сомнению. Взять хотя бы богатство его поэтического словаря. И. Григорьев гордится тем, что пишет на «языке отцов и дедов». Однако в употреблении старинных слов и слов псковского диалекта у него нет нарочитости, и, может быть, поэтому лексика его произведений не оставляет впечатления архаичности или стилизации. Читая стихи Игоря Григорьева, думаешь об удивительном совпадении языковых средств с поэтической темой».¹

*Арк. Эльяшевич. Поэты, стиль, поэзия.
Л., Лениздат, 1966, с. 290.*

С 1966 года сколько воды утекло! Поэтический багаж Игоря Григорьева достиг двух десятков книг. Но поэта так и не «усыновила» официальная критика. Такое отчуждение не случайно. Муза Игоря Григорьева никогда не прислуживала власти имущим, ни «левым», ни «правым», но верой и правдой служила Совести и России. К тому же поэт всегда имеет собственное мнение, которое выражает своим, да еще и далеко не робким голосом. О таком авторе самое надежное — «не шуметь».

Показательно, что, живя в тогдашнем Ленинграде, где провел четверть века, где у него были литературная известность и достаточные средства к сносному существованию, Игорь Григорьев в конце 1967 года расстался с Домом писателя имени Маяковского и уехал на свою Псковщину.

Мне не в Невском жаться скопище,
Не локтями ближних пхать —
У реки, низины топящей,
Песней зори колыхать.

Псков на его приезд отреагировал своеобразно. Одни были предельно кратки: «Чудит!», другие упрекнули: «С жиру бесится!», третьи отрубили решительно: «Пофасонит и отчалит в столицу!»... Его корили за несоблюдение и нарушение предписаний «соцреализма». Его пугали, шантажировали, на него писали доносы и поклепы (много!) — «стучали куда следует». А он создал

Псковскую организацию писателей и стал ее первым руководителем. И ему члены сей организации отплатили за это.

Мои собратья по перу
Не поделили «псковской славы»,
И я, доколе не умру,
Не позабуду той отравы.
Нет, не с цианом порошки
В стакане водки. Проучили
Меня надежней корешки —
В глазах России обмочили.
Вот это было так бедно,
Не просто жизни оплеуха:
Не с ног сшибала — я тогда
Лишь чудом не свалился с духа.

Игорь Григорьев творил не за страх, а за совесть, оставаясь по-прежнему личностью независимой, а значит не всем удобной. И в конце концов его просто-напросто отодвинули в сторону, обошли и замолчали. Даже местная периодика в лице начальствующих мужей перестала публиковать его стихи. Да, и впрямь «мы ленивы и нелюбопытны», к тому же во вред делу, которое обязаны выполнять честно. Иначе как и чем всё это объяснить?

Впрочем, объяснение неприязни недоброжелателей есть: зависть! Но злобная зависть, которою завидуют маленькие литераторы большому поэту, — дело бесперспективное, жалкое и презренное. Это всем давно известно по опыту.

Главное место в лирике Игоря Григорьева

занимает любовь. Любовь к России, любовь к людям, любовь к природе, любовь к прекрасному, любовь к женщине, любовь к жизни. Стихи о любви полны пронзительных всплесков, сердечного драматизма и возвышенной жертвенности.

Не думай, что я обездолен,
Что сбился с веселья давно:
Поскольку я лирикой болен,
Мне сердце беречь не дано.

Поэту своё «сердце беречь не дано», но ему даровано проникать в потаённые уголки души человеческой — и своей, и чужой — и освещать их светом любви и совести, без которых человеку не быть Человеком. Именно о любви и совести, к великому бедствию нашему, горемаятные современники (не говоря уж о всякоразных временщиках) стали забывать. И чем дольше мы существуем, тем больше это забвение вселяется в нас. И тут — самое время не только плакать, но и петь стихи, пока мы не схватимся за голову, не опомнимся и не одумаемся. Пока мы не ответим на огненные вопросы: неужели нам не дорога жизнь? Неужели нам не страшно погубить свою душу? Или мы дерзнули жить без веры и надежды? Но как?

Не с того ли этот потаенный вздох, в котором, однако, — исцеление от многих житейских передряг и скорбей:

Небо немо и широко,
Ветру зябкости не жаль...
Приюти меня, дорога,

Вразуми, зараспечаль!

В юные лета дорога эта пролегла по землёвской и привела Игоря Григорьева в посёлок Плюсса. Плюсса — первая веха на ухабистом и тернистом пути в большую литературу.

В Плюссе поэт окончил десятилетку. Здесь в неполные восемнадцать лет встретил Великую Отечественную войну.

В годы германского нашествия было суждено Игорю Григорьеву стать руководителем плюских подпольщиков и возглавить группу разведки во вражеском тылу. Потом он воевал в составе Струго-Красненского межрайонного подпольного центра под началом ратоборца России Тимофея Егорова и в бригадной разведке Шестой ленинградской партизанской бригады под командованием комбрига Виктора Объедкова. Был четырёхжды тяжело ранен.

Война стала для поэта временем духовного и гражданского возмужания.

«Время-лихо, жуткое время, — восклицает поэт, вспоминая годы оккупации, — до предсмертного вздоха своего не перестану думать о тебе! И у последней черты не отрекусь от ненависти к фашистским атрибутам — кровожадности, подлости, холуйству и шкурничеству!».

Казалось бы, война должна ожесточить, огрубить, навсегда задернуть темным пологом страшных воспоминаний ясное небо. Но вчитайтесь в стихи Игоря Григорьева! В них

такой самозабвенный восторг, такая отдача во власть вдохновения, такое молитвенное благодарение Земле и Небесам за дарованную жизнь и возможность стать Человеком, что диву даешься: в наше безродное время — такой русский поэт!

Даже победу, добытую морем пролитой крови нашей, поэт воспринимает не как отмщение, но как прощенье:

Не кровью за кровь, не безбожным
отмщеньем,—

Как Светлый Спаситель с креста.—
Земля голубеет прощеньем, прощеньем,
Зане она злу не чета.

Что ж, русский солдат Игорь Григорьев имеет право на прощенье врага, как в войну имел право на отмщение чужеземным захватчикам.

Немалую часть в творчестве Игоря Григорьева занимают поэмы. Но о них разговор особый, и в другой книге. Назовем лишь некоторые из них: «Зарево», «Колокола», «Стезя», «Обитель».

Сочетание народно-песенной образности и скупой информативности, эпической широты кругозора и лирически-щемящей психологической проникновенности — всем этим характерны поэмы Игоря Григорьева. Такова, впрочем, вся его поэзия.

Семьдесят пять лет тому назад Сергей Есенин горевал: «Я последний поэт деревни...». Однако время доказало: Сергей Есенин — не последний, но донныне первый поэт,

и не только деревни — Руси. Первый! Но не единственный. Есть и другие. И среди них — «поэт последней деревни» Игорь Григорьев.

Обращаясь к многострадальной русской сельщине, поэт утверждает:

Здесь радоваться и радеть,
И верить, верить без оглядки!
И никуда, хоть нет отгадки,
От этих нив себя не деть.

И эта исповедь — истина нашего трагического века, которую нельзя победить, ибо она вечна. И долго быть певцу её!

Санкт-Петербург, 1995 г.

Владислав ШОШИН

ЗИМА 1993

Заплакали берёзы:

—Зима нас подвела,

Крещенские морозы—

Три градуса тепла.

Заледенело сердце:

В ретивом перебой—

Любовью не согреться.

—Россия, что с тобой?

РОССИЯ

*В том строю не признавал я многое,
В этом строе отвергаю всё.*

Неволя, недоля, чужбина—

Ни слова, ни зги, ни следа.

Да русская ль это ложбина?

Да жива ли в речке вода?

Крадусь неприкаянным воров

Чужою родной стороной.

Стеной—чернота перед взором,

Кромешная тьма за спиной.

«Куда ты? Куда ты? Куда ты?—

Колотится жуть на виске.—

Тебе только горести рады

В немом подневольном леске.

Не волен размыкать неволю!

Недоля, хоть криком кричи!..».

Но—мёрзлому дышится полю,

И падают звёзды в ночи.

* * *

Горемаятная родина,
Горемаятные мы:
На пустых холмах—болотина,
На болотине—холмы.

Или вера сгила начисто?
Или верится до дна?..
Даже пляшется как плачется:
Плач—под пляску, мать родна!

Да когда же нам наплачется
Во пиру судьбы-тюрьмы?
Неужели не отважиться,
Встав, напомнить: кто есть мы!

* * *

В селе петушья куролесица,
Морозный дым над ним повис.
Надкушенный покровок месяца
Скупые крошки сеет вниз.

Как вздох—калитки оробелые,
Как трепет птахи в кулаке.
Березам снятся ночи белые
Да пенье весел на реке.

Березам долго, горько страждая,
До лета время коротать...
А Русь везде, у пня у каждого,—
И злая мачеха и мать.

ВНУКУ

Решись: распутье—не распястье
И не проклятье.

Душе захмаренной—раздолье
В широкополье.

Даль русская не наважденье—
Освобожденье.

Дерзни: бездомье, страх, усталость—
Такая малость.

Добро и зло—за вехой строгой:
Руками трогай!

СЫНУ

Ненастье обескровило зарю:
Всё—сутемень. Ни полночи, ни полдня.
Погоду не закажешь ноябрю—
Бери, какая есть, о вьюгах помня.

Бери и не вздыхай. И с тем иди.
Иди, да знай: далёко до ночлега,
И, может, только день всего до снега.
И вздохи—груз увесистый в пути.

Пустые страсти ветром отряхай,
Себя и версты мерь пройденной мерой.
Тревожься, негодуй, но не вздыхай.
Иди себе и, что дойдешь, уверуй.

Пусть вьюгам—вьюжье: снежная страда,
Хмельные вопли, холода шальные,—
Они ведь до поры: они больные.
Ведь вьюги что?—весенняя вода.

* * *

От деревенщины моей,
От сельской простоты
Остались только горечь пней
Да ломкие кусты.

Давно повален тёмный бор,
Дремучий, вековой.
Причастен к ней и мой топор,
К той рубке гулевой.

Ни горожанин, ни мужик,
Своей родне ничей,
Я раскалённым ртом приник,
Но глух сухой ручей.

По лысым валунам скольжу:
Ни струйки—с той весны.
Тревожно память ворошу:
Как мало там казны.

Осталась горстка чабреца
(Бывало, пили чай)
Да незабвенного лица
Прощальная печаль.

Прошли немалые года,
Затих кровавый гром.
Чего я только не видал
На свете горевом!

Я разучился просто жить
И бросил просто петь.
Теперь уж поздно дорожить—
Копить копеек медь.

И Русь не та, и сам не тот—
Иные времена.
Но в ворохе золы живёт,
Горит моя вина.

* * *

Не шелóхнется, не встрепенётся
Отгулявший своё полынок.
Никого—ни синицы, ни солнца,
Только тлен торжествует у ног:

«Ясноглазые угли ослепли,
Отроняли горячую дрожь:
Ни огнивки в заиненном пепле,
Не надейся, костра не зажжёшь.

Не задышат холодные травы,
Отлюбили, отверили в май.
Журавли покорённые правы:
Допивай, допевай, улетай.

Поаукает память скорбяще
И ударится грудью о лёд:
Слышишь, в пленной безропотной чаше
Стужа синие песни поёт?

Видишь, в скошенном, в скованном поле
Сумрак тёмные точит ножи?
И уже ни заботы, ни боли
Горицвету у чёрной межи...».

Лес распахнутый, лист отзвеневший,
Птицы смолкшие—сердцу родня,
Я люблю этот мир замеревший,
Ожидаящий красного дня!

* * *

До чего же невесёлая картина:
Тошно чавкает расквашенная глина,

Кажет рёбра отоцалая ракета,
И не небо—а всего большое сито.

Только стужа, день погожий и не снится.
Прослезило—негде глазу приютиться.

Плотный сумрак наплывает тихомолком,
По окружью рыщет ветер сизым волком.

Над канавой—ни листочка, только прутья.
Будто в сказке, вороньё над перепутьем.

Где ж то золото, что в гимнах пламенеет?
Где ж то солнце, что зимой и летом греет?

Вместо жар-з-амён—пожухлые рогожи.
А пойдй найди роднее и дороже!

СВЕТЛАНЕ

Заря, заряна, заряница,
Червонокрылый небокрай,
Моя печальная жар-птица,
Не улетай, не догорай.

Еще не выразить потемок,
Не молвить свистов за рекой—
Пока мой голос тих и ломок,
Но я заплакал над строкой.

ВЕЧЕР

В полумраке синелапом
Гаснет день у рыжих прясел.
Тихий вечер красным крапом
Серы облаки окрасил.

Завлекательней гармоник,
В дымной дрёме чернотала
Голос пробует шелонник—
Сизогубый запевала.

Голубеюща прохлада—
Словно сбывшаяся небыль...
Ничего душе не надо,
Кроме родины и неба!

* * *

Немы и пусты
Знобкие поляны.
Голые кусты
Зыбки и туманны.

Над плакун-травой,
Над водой и мхами—
В синьке ветровой
Звёзды ворохами.

Полночь без луны,
Путь мой без дороги.
И ничьей вины,
Никакой тревоги.

БЕЗВРЕМЬЕ

Сник тростник. Испиты соты.
Песни лета отбренчали.
У тебя—свои заботы,
У меня—свои печали.

У ночи́—одна поблажка:
Проморозит сердобольно,
Ей без солнышка не тяжко—
Неживым ничуть не больно.

Ну а нам-то, тёплым, сущим,
С гулкой дрожью в чуткой коже,
В бездорожной тьмище-тьмущей
Быть-то как же? Делать что же?

Время воли, света, смеха
Утекло в тоску заката.
И сквозит в душе прореха,
Мне уже холодновато.

И тебе ничуть не лучше:
Пристывает к сердцу слякоть.
Отнимают небо тучи.
Так и хочется заплакать!

* * *

Сушь—земля сырая,
Горькие укоры,
На тебе сгорая,
Жгут тебя моторы.

Тишь твоя отпета
Яростным оралом,
Слышишь?..—Нет ответа
Ни в большом, ни в малом.

Только дрёму будит
Жаркая остуда.
Загляделись люди,
Позаждались чуда.

Никуда не деться,
Верить неизбывней.
И врачует сердце
Обещанье ливней.

Накипают стыни,
Пригинают ветры,
Да в печали синей
Тужат километры.

Смотрят раздорожья
Вкрадчиво и добро,
Чтоб горячей дрожью
Садануть под рёбра!

* * *

Льют лиловые потёмки
Луговой настой.
От заката—полкаёмки
В тишине густой.

Буйнотравье будто вьюга,
Спящая в ночи.
Не докличутся друг друга
В пожне дергачи.

Не шелóхнется спросонка
Спеющая рожь...
Что, родимая сторонка,
Что ты стережёшь?

ПЕРЕД РОССИЕЙ

Я родине моей не изменял.
Безрадостной полынью переполнясь,
Я убивался с ней в глухую полночь,
Но родине во тьме не изменял.

Её беда (не наша ли вина?),
Что верящих в молчанье грозно ввергнув,
Поверила она в лишенных веры.
Её беда—не наша ли вина?

Я к родине своей не холодею,
Хоть крохобор мне тычет: «Дуროлом!..».
Пусть обнесён и хлебом и вином—
От зябкости её не холодею.

Её ли суть (не дело ль наших рук),
Что сыновьям на ласку поскупилась?
Уж больно много гостя поскопилось.
Её напасть—не дело ль наших рук?

Я, родина, тебе не надоем
Ни шумом, ни докучною любовью.
Не знай меня, свети пока любому.
Я подожду. Тебе не надоем.

ПРОБУЖДЕНЬЕ

На свадьбах тешились давно ль
Налимы здесь да волки.
Уже крещенская юдоль—
Погода, кривотолки.

Февраль отголосил и стих.
Март накопытил рытвин.
Сугроб течёт, как белый стих,
Дыша прозрачным ритмом.

Невразумительны слова,
И образы тревожны,
Но точны, точно дважды два,
Как завтра—непреложны.

Прощай, метельная праща!
Чуть жив от зимней неги,
Искря, стена и трепеща,
Сосёт ручьишко снега.

* * *

Чтоб сердечней биться
Сердцу-ветролюбу,
Сбыл я рукавицы
И в придачу шубу.

Для большой дороги
Валенки—морока:
В них как в гирях ноги—
Не находишь много.

А без малахая
Обойдусь подавно.
Не темней, вздыхая,—
Во поле так славно!

Март мосты разводит
На уснувших речках,
Солнце колобродит:
Жáры в недалечках.

Что ж ты морщишь губы,
Укоряешь бровью?
Мы ведь—лета трубы,
С кипятковой кровью.

День меня—в охапку,
Даль к ногам припала:
Голову—не шапку—
За такое мало!

ВОСПОМИНАНИЕ

Ошалев от листьев красных,
В заревой уйти туман!
Празднуй, око, сердце, празднуй:
Осень—правда, не обман.

«Осень, ветрена зазноба,
Золотая грын-трава,
Мы с тобой гуляем оба
На поминках Покрова.

Ты горюн-тоску остудишь
И спалишь красы изъян,
Не обманешь, не осудишь,
Дашь обнять цыганский стан!..»

Сочиняю, сочиняю,
Хмелен песенным вином.
Сердце рифме подчиняю.
Осень пляшет за окном!

С печки бабушка Васютка
Слазит:—Тоже мне поэт:
Лезть к цыганке!—вздумать жутко:
Одурел в пятнадцать лет?

Ну, твой батька—гибло дело:
За стихи ему б—дрючка!
А куды ж досель глядела
Манька-мать, моя дочка?

Ну их, вирши,—дымку с дымкой,
Не транжирь карандаши!..—
Невдомёк карге любимой:
Песни—дар её души.

* * *

Ты ушла. Никто нейдёт.
Да прихожих и не надо.
Только снежная осада...
Что зима—не твой бы лёд.

Я бы выбег на бугор,
Перетрогал бы потёмки,
Догляделся бы до кромки:
Вдруг да смилуется бор...

Никуда я не пойду:
Разве сжалуется вьюга.
Нелюбезная округа
Вся в неистовом бреду.

Ветер ломит, как медведь,
Вьюга шастает с пригорка,
В доме холодно и горько:
Слава Богу, время петь!

ВЕСНА

Ещё встаёт мороз на лапах длинных,
Но почкам—сроки:
Насторожились в стылых сердцевинах,
Теплеют соки.

Ещё хрустит стеклянная дорога,
Лаская сани,
Но холм дремучий—с солнечного бока—
Вздыхнул в тумане.

Пока что небо не синее поля,
Лес однозвучен,
Но полны тихие ладони полдня
Теплом колючим.

И патриарх-сугроб у свахи-ели,
Души не пряча,
О ветреной зазнобушке-метели
Тихонько плачет.

ДИАНЕ

Улеглись дневные страсти,
Кроток буйный лог .
Месяц, будто чье-то счастье,
Ясен и высок.

Сыплет щедро и лилово,
В воду пяточки.
Рядом сердца дорогого
Гулкие толчки.

От поздна до новой рани
Милосердный час—
Врачевать дневные раны
И не прятать глаз.

Полусонно, первозданно
Ждать зари земле.
Петь зорянке неустанно
В робкой полумгле.

Не туманясь о разлуке,
Месяцу гореть.
И твои лебяжьи руки
Мне дыханьем греть.

ВЕРБА

Верба тонкая, верба ломкая,
Нефорсистая и негромкая

Под ненастьем дрожала-мокнула,
Облетела вся, да не дрогнула;

Не взъярилась от рёва зверева,
Не отчаялась, не разверила...

Нынче правит здесь нелюдим-январь.
Я пришёл к тебе через хвиль и хмарь

За дровишками—разложить костёр.
Не попомни зла, я принёс топор.

Мне нельзя никак без тепла-огня.
Я не всю тебя... Ты прости меня.

ПЕСНЯ

Ходит мороз за окном,
Посохом в стену стучит.
Снегом закиданный клен
Целую ночь промолчит.

Долго катиться луне,
Ясно сугробам гореть.
Что ж не заглянешь ко мне—
Песню улыбкой согреть?

Робкую песню мою,
Тихую хату в глуши.
В замороженном краю
Снеги поют. Ни души.

Над целиной—пелена,
Что там за ней?—угляди...
Наша дорога длинна:
Всякое будет в пути.

Всякое будет? Ну что ж,
Встречу, коль в двери войдет!
Вечер сегодня погож,
Тени ведут хоровод;

Вечер куржою опал,
Выскрил тропку и лог...
Я тебя, нежная, ждал,
В сердце носил и берёг.

Радость придется забыть,
Вьюга друзей отпоёт,
Но не устану хранить
Светлое горе мое.

МАРГАРИТЕ

Густолистой роще в голосистом лете
Ласковый и тихий приглянулся ветер.

Зазывал под вечер, крылья унимая:
«Без тебя, певунья, мне не будет мая!».

Шелестел и гукал, не жалея луни.
Отозвалась роща—до зимы ль в июне.

Насвистел зеленой сладких околесниц.
И зацвел им липень—жар-медовый месяц.

Если мед со хмелем—так бродить и горкнуть:
На крестинах август пляшет у пригорка.

Отгулял и—в небо с первой журавлинкой.
И осталась роща сентябрить косынкой,

Праздновать с дождями слезно октябрины
Да тянуть ладони до углей рябины;

Помнить, как сулил мил не любить другую,
Как ее зазимок пригревал нагую,

И роптать с поклоном в знобкую округу:
«Сватается ветер за белянку вьюгу».

ОКТЯБРИНЫ

В затемненной желтизне,
Тихий луч даруя,
Кто-то тужит обо мне,
Да не разберу я.

Кто-то в зябкий вздох огня
Фукает сторожко—
Для меня искринку дня
Пестует в ладошках;

Робко в пегую межу
Сеет зёрна лета.
Я не гордый, я гляжу,
Кличу. Жду ответа.

Но безмолвствуют уста
Хмурого тумана,
И вздыхает грудь куста
Ласково и рдяно.

В чаще теплятся глаза
Незабудки кроткой.
Оборотишься назад:
Гаснет день короткий.

То ли слёзы, то ли дождь
С лап еловых льётся.
В иглах дрожь. И сам вздохнёшь:
Как тут не взгрустнётся?

Призамрёшь, оторопев,
Будто спотыкнёшься.
И—немой—звучит напев:
Полюбил—тревожься!

* * *

Прошла поспешно мимо,
И—в вагон,
И от огней—в потёмки, в ночь простылу.
Летит за перегонем перегон,
И нет конца чугунному настилу.

Как синий нож, как приговор суда,
Холодные глаза отулыбались.
Кричат, поют, хохочут провода:
«Расстались—
Вместе насовсем остались!».

НЕПОГОДА

Беспокойней, горше, жгучей год от году
Вижу—до ветринки—милость-непогоду.

Будто в ласку мая, в стужу огунаюсь.
Иль зову «что́ было»? Иль—что было
каюсь?

Ведь и так бывает: было, да не сбылось,
И не надо помнить, и не позабылось.

Вечером тревожным, знобким листопадом
Мы, боясь безлюдья, шли с тобою рядом.

Дождевые всхлипы в темноте чернели,
И молчали звёзды, и роптали ели.

Я и сам не знаю, что с тобой случилось:
Ты к плечу прижалась, робко мне вручилась,

Осветила душу хмельным жарким светом!
Может, непогода виновата в этом?

Непогода, темень—нам какое дело.
Разве мог я тронуть сдавшееся тело?

Всё оно звенело, как струна тугая.
В плащ тебя закутал, будто ты нагая...

Ты прочтёшь и бросишь: «Песенка уныла».
Ничего, не кайся: ты ведь не любила.

* * *

Живёшь... и вдруг увидишь:
Тебя здесь больше нет.
Поклонись. И выйдешь
Из дома в белый свет.

За дверью передряга—
Метельная беда.
Пройдёшь четыре шага,
А сзади—ни следа.

Зиме какое дело,
Что всё твоё тепло
Осталось в хате белой.
Зима гуляет зло.

Ни звать, ни знать не надо,
Кто прав, кто виноват,—
Ведь нет тебе возврата,
Дороги нет назад.

В седом пожаре вьюги
Кричит зальделым ртом,
Заламывает руки
Тебя прогнавший дом.

* * *

Было, нет ли? А коль было—
Сколько лет прошло с тех пор!
Ты меня тогда любила:
Помнишь майский косогор?

Всё на свете скоротечно.
Люб-траву сентябрь пожёт.
Ты промолвила беспечно:
—Вышло времечко, дружок.—

Прослезилась. Воздохнула:
—Жизнь есть жизнь, хоть плачь, хоть пой.
Белой ручкой трепыхнула:
—Не судьба, тихоня мой.

Маем память не баюкай,
Не догонишь, не пеняй...—
Не догнал я, взятый вьюгой.
Вьюга спета. Май есть май.

АИСТ

Подымаюсь, картечь пересила,
Сбитый аист, сведённый с ума.
У меня за спиною—Россия,
У меня перед грудью—сума.

Я лечу, замирая и падая,
Переломанных крыл не щадя.
Мне не вспыхнет рука зябковатая
За слепую стеною дождя.

Крыльям бить, перья об ветер комкая,
Десять тысяч—сквозь мачеху—вёрст.
Мне пока не до клёкота громкого,
Не до выпевших в полночи звёзд.

Мне октябрь, крепколап и бездумен,
Оголтело хохочет в глаза.
И на вербе, у замерших гумен,
С хрустом хворост жуёт с колеса.

Что ж, хватай побуревшее крошево,
Загораживай горестный путь,
Налетай, гогочи, разворошивай—
Веселись. Да про март не забудь!

* * *

Выдохлась метель, зима устала.
Затемнели мартовские снега,
И передвижение застряло:
Ни в дровнях, ни пёхом, ни в телеге.

Ни в шалман пойти, ни побираться,
Подаянья клянча Христа-ради.
А к тебе и настом не добраться.
Ну и ну: кружу, как волк в окладе.

ЛАРИСЕ СПИРИДОНОВОЙ

Ты мне растерянно призналась:
— Душа в разлуке потерялась...—
Но— потерялась, значит— есть.
Спасибо за благую весть!

Ты на меня не поглядела
Ни горячо, ни охладело.
Но две слезы спешат расцвечь.
За жгучую спасибо честь!

Ты рук моих не разомкнула,
Меня— перстом— не упрекнула,
Но кротко укротила спесь.
Спасибо чуду, что ты здесь!

Ты, с горькой думой в поединке.
По мне не правила поминки...
Печальный свет в моей судьбе,
Дай Бог тебе! Дай Бог тебе!

ОПРАВДАНИЕ

Я прочь ушёл, я в ночь ушёл,
Но верю свято:
Не угасает красный дол
Окрай заката.

И не дано мне, не дано
В тебя не верить,
Пускай недавно иль давно
Закрылись двери.

Что было, быть тому до дна—
Ничто не сплыло.
И я один, и ты одна.
Я пью уныло...

Ты— вещей звук в моей судьбе
С немым укором.
Я не могу прийти к тебе
Прощённым воров.

* * *

Звезду обманчивую стёр
Ладонью чёрной гром.
На месте горестном костёр
Горит в лугу сыром.

Цвети, огонь, кричи, немой,
Желтей, чужой дружок;
Зови, сули, вели, не мой,—
Не я тебя разжёл.

И мне от твоего светла—
Ни проблеска утра́.
Мой огонёк сторел дотла
Давным-давно: вчера.

Иная жизнь, чужая высь
Зажглись в моей тени.
Дружище-гром, остановись,
Замри, повремени;

Не заливай крутым дождём
Сухие головни:
Пусть на пожарище моём
Взойдут благие дни!

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Не надо горьких глаз, не надо тихой грусти:
Пройдут года, и, ждаль устав, беда
Меня разлюбит и к тебе отпустит.
И я вернусь.

Но ты скажи, куда?

Не надо бодрых слов—и в них тоска всё
та же:
Растерянность, испуг, незримый плач.
Люби меня, чтоб сердцем был на страже.
И я вернусь.

Но ты мне срок назначь.

Не надо укорять, и ни к чему кориться—
Метельный путь мой без того не гладь.
Храни себя, не верь, что ты вдовица.
И я вернусь.

Но как тебя узнать?

Вернусь! Лишь свой обет, любимая, исполни,
Когда уйду туда, где Вечный бой.
А этой ночью, расставаньем полной,
Дай волю сердцу.

Я ещё с тобой.

ТВОЙ ДОМ

Светлыню росной,
Полночью безвёздной
Под свист бурана —
Домой вернуться никогда не поздно,
Всегда не рано.

Он верен свято —
В зной и в стынь заката,
Он терпеливый.
Да и тебе твой дом — не с краю хата,
Ты — им счастливый.

Не в срок вернёшься,
От сует очнёшься,
В себя заглянешь,
К родному сердцу сердцем прикоснёшься —
Кого обманешь?

Не кайся слёзно:
«В жизни многовёрстно...» —
Нет оправданья.
Домой вернуться никому не поздно
Без опозданья.

ВЕСЕЛИНЫ

Полине Саввиной

Дорогая кума,
Тетка добрая,
Давай выпьем вина,
Закусим воблюю.

Погляди в небеси,
В высь туманную:
Льет Медведица синь
Разливанную.

Катит месяц, смеясь,
В просо звездное.
На олешнике ясь,
Вязь морозная.

В эту ночь только петь
Над стаканами.
Отпирай-ка подклеть,
Напой — пьяного.

ВО ВРЕМЕНА ГОДА

Светлане Андреевой

ЗА ЦВЕТЕНЬЮ

Не думай, что я обездолен,
Что сбился с веселья давно:
Поскольку я лирикой болен,
Мне сердце беречь не дано.

Июнь отсвистел сладкогласно,
Июль отгремел, отсиял.
И поле на жатву согласно,
И красен закат, а не ал.

Туман и печалинка—с пожен,
Белесые росы как лед.
Еще окоем не тревожен,
Но лето уже устает.

ЗА ЛИСТОПАДОМ

Березы, дымя, побурели,
Споткнулись о ржавую медь.
Кого они только не грели,
И стало им нечем гореть.

Ни песен, ни жар-полушалка—
Лишь осени стылое дно.
И стало им лета не жалко.
И стало им все—все равно.

Зияют в чащобах напасти,
Дрожат, ознобя пустыри...
Не рвись, мое сердце, на части—
С разлукой меня не мири.

ЗА ВЬЮГОЙ

Нечаянно вдруг загруститесь.
Нечаянно ль? Что вопрошать!
За вьюгой любимые лица,
И некого к сердцу прижать.

Минувшее давнее-давно
Некстати начнешь ворошить:
В былом не отраднo—отравно.
И полночь. И чем дорожить?

Ни света, ни слова, ни друга—
Лишь вопли да темень вокруг...
Сестра милосердная вьюга,
Прости мне: дай руку, мой друг!

ЗА ПАВОДКОМ

Набег обернулся побегом:
Апрель разметал холода.
Трава не погасла под снегом,
Сугробы спалила вода.

В чащобах зажглась медуница,
И свѣтла тоска журавлей.
И каждая лужа—криница
В ладонях полян и полей.

И гром возвратился ретиво
И так раскатился легко,
И день—разливанное диво.
Но Вьюга моя далеко!

ДИКИЕ ЯБЛОНИ

На ветру заохали
Две лешуги рыжие:
Хорошо ли, плохо ли—
Только мы и выжили.

От живого хутора,
Кроме нас,—ни деревца.
Хорошо ли, худо ли,
А живым—надеяться.

ВЕРБНАЯ НОЧЬ

Тишь-тепльнь усердная—
Снеготай.
Суботея вербная—
Скоро май.

Выси разгорожены—
До звезды.
Тропки и дорожины—
Без узды.

Никого не спрашивают,
Где гулять.
Думки прихорашиваются
В благодать.

Рощица-березица
Ждёт. Молчок.
И в воде от месяца—
Большачок.

ПОД ЗВЕЗДАМИ

Да сколько ж их в морозной роздыми.
И как же скоро зацвели!
Заполыхали врозь и гроздьями,
Над головой и у земли.

И все тихохонько качаются,
Роняя долу жёлтый хруст,
Захолоделых губ касаются,
Чуть горьковатые на вкус.

Они поют и сказки сказывают
И, не спрося, в полон берут.
Зовут, зовут, и путь указывают,
И зачинаются, и мрут.

Вдруг замелькает странно-новая,
Вот вещая оборвалась...
Притихла гладь семиветровая,
Дивясь на инееву вязь.

А луг повит снежком, как росами,
А темь по-летнему густа.
И, может, в этой щедрой россыпи
Зажжётся и твоя звезда!

ВЬЮГА

Разойдётся—прикончить могла бы,
А уймётся—нежней забудки,
Своенравная русская баба,
Веселунья, с которой—не шутки.

Выше леса колени взлетели,
Заметался подол сарафана...
Полюбилось мне буйство метели
Крепко-накрепко, может, и рано.

Рано, нет ли—печалиться поздно:
Ни гордыни в душе, ни корысти.
И за тучами—высь не беззвёздна,
И молитва—в разбойничьем свисте.

Не обделят, ничуть не обманут
Налитые огнём её губы.
Все сомненья надеждами станут.
Станут снега послушны и любы.

Вьюга скроет ухабы и взлобки—
Всё привычное переиначит.
Сдавши спину ей, зябкий и робкий
Не слезами—ледышками всплачет.

Ну а я, зимогоров потомок,
Заслоняться от лады не волен:
С первых зорь до последних потёмок
Гореваньями вьюжными болен.

Заунывные песни тревоги,
Хоть в трубе, хоть на целой планете,
На тропинке любой и дороге—
Все о свете, о цвете—о лете.

* * *

Петру Выходцеву

Дом ты мой, дом пустой,
Не обжитый, не угретый,
Потихонечку стой,
На хозяина не сетуй.

Не зови, не кори:
Всё не гладко, всё не просто.
С-под ладони зари
Не гляди на перекресток.

И не верь медовым снам:
«У поэта—денег звонко!».
Не угрожает к нам
С городским добром трехтонка.

Мой печальный простак,
Не транжир я, зря пеняешь,—
Лунный медный пятак
На рубли не разменяешь.

Ты не юн, я не стар,
Но одной с тобой закваски:
Слава Богу, не устал
Верить в бабушкины сказки.

Не сумел до сих пор
Разувериться в жар-птице.
Я как твой бедный двор:
Недосуг загородиться.

Пообвыклось. И впредь
Перебьемся без ограды:
Нам души не жалеть,—
Чем богаты, тем и рады.

Эх, душа дарова,
Горевальная отрава.
Все слова—трын-трава,
Отшумевшая забава.

Помолчим у ворот:
Скоро в долгую разлуку.
Всё придет, всё пройдет.
Дай-ка ласковую руку!

* * *

Андрею Ярмульскому

Спит земля, огромна и печальна.
Звезды. Бесприютно. Беспричально.

Проложила ночь сквозь черный омут
Млечный Путь, а не дорогу к дому.

Забутье и тьму на перекрестке
Ветер стережет, сырой и хлесткий.

Филин—и рыдает, и хохочет,
Будто гулко бредит призрак ночи.

Снизу—ропщет жужлая осока...
От звезды погреться! Да высоко.

* * *

Чем, берёзки, вы лето обидели?
Перемены в беспечном лесу!
Стало вкрадчиво в буйной обители,
Поднебесные выси—внизу.

Запаманит крут-сиверко к вечеру:
«Красно лето сгорело вчера.
Осень рядом. Сочувствовать нечему.
Вспышка цветени—лишь мишура...».

Пресным холодом густо пропитанный
Лес, как праздник отгулянный, пуст.
Над болотиной кустик ракитовый
Ронит лист, будто жалобу с уст.

Небо тучи сушить повесило:
То их выжмет, заплакав, то вдруг
Рассмеётся по-летнему весело,
Кинув пригоршню солнышка в луг.

И земля, на Покров овдовелая,
Вновь затеплится от желтизны.
И смешается радость несмелая
С гулкой грустью озябшей желны.

Вроде, большего нет и не надобно:
Весь ты счастьем дышать занемог.
Но в распахнутом горле негаданно
Ворохнётся солёный комок.

Зажалеешь, сольёшься с окраиной,
А чего тебе жалко, Бог весть.
И у ног огонёк неприкаянный—
Колоколец—не может отцвесть.

ЛИРИКА

Утекают звонко
В бурые глубины—
Сизая сосёнка,
Рудые рябины...

В жаркие золота
Схвачена округа.
И душа болота—
Будто сердце друга.

Сиротливый кустик
С юркою синицей
И грехи отпустит,
И воздаст сторицей;

Топору навстречу,
По-людски робея,
Встанет: не перечу!
Но зачем тебе я?..

Час речей победных
Канул. Лес—без шапки.
Вздохи листьев бедных
Тоненьки и зябки.

Настежь захолустье—
Вскрыты кладенницы.
Над стеклянным устьем
От тиши звенится.

И перед разлукой,
Горестной и длинной,
Бьётся над излукой
Причет журавлиный.

И совсем беспечно,
Не жалея дома,
Смътна, сине-млечна,
Шамкает истома:

«Выстынь: станешь другом
Вкрадчивым дремотам!..».
Взбодрен и напуган:
Что—за поворотом?

* * *

Разжалей, простив обман,
Лжедрузей, как дым напрасных.
Пусть попляшет балаган—
Октября угарный праздник.

Ты ведь тоже сам не свой—
Друг, лихой и угорелый.
Отплясалось—песню спой,
Благо в рифмах наторелый.

Слава Богу, днесь и впредь
Песне русской нет сожженья.
Обернётся в злато медь
Твоего стихотворенья!

У ПРИЧАЛА

Старый отче, тёплый берег,
В пору трудную
Не заждался? Не отверил
Сыну блудному?

Хоть не ранницей—под вечер,
Вот... причаливаю.
Не взыщи, хвалиться нечем
Обпечаленному.

Коль признаться между нами—
Не прославился,
А геройством и чинами
Отзававился.

Не серчаешь? Вот и ладно.
Почеломкаемся!
Дай обнять тебя, прохлада,
Радость ломкая!

Что молчишь, сестра-беляна—
Берези́ночка?
Накрывай на стол, поляна,
Как же и́наче?

Синь бездонную псковскую
Всю не выплакала?
В светлом сумраке тоскуя,
Песню вы́кликкала...

Сеет месяц сизый пламень—
Блеск и сажика.
Мягко-мягко, плавно-плавно
Осень вяжется.

В грудь непрошенно стучится
Грусть длиннуца.
Чу! Волчат зовёт волчица
В чуткой пуще.

Выдра плещется, русалка ль
Одинокая?
Щука—в заводи, как палка,
Тигробокая.

Под волнами, под веками—
В дремной прозелени
Спит горюн Вороний камень
В Тёплом озере.

Свет-князя и чернь-мужланы
Смолкли, выпенились.
Отболели злые раны,
Слёзы выпреснились.

Тихий брег в туманной дымке,
Лежень ласковый,
Распечаль, размыкай думки
Складкой-сказкою;

Ставшей сказкой, вещей былью—
Доли мерою.
Я, рождённый русской болью,
В раны верую.

ВИШЕНКА

Светлане Молевой

Маем ласковым горько обижена?
Кипень-платьем не бело-бела?
Что же ты закручинилась, вишенка,
От подружек в сторонку ушла?

Им цветется и просто и песенно—
С ветерками шуршат на заре.
Ты одна пламенеешь невесело,
Будто белый пожар на бугре.

Не приветила сиверка вешнего,
Льется грусть из-под строгих бровей.
Ждешь кого-то иного, нездешнего?
Иль не можешь забыть суховой?

Я ведь знаю: ты мне не доверишься,
Не раскроешься сердцем ничуть.
Но люблю у высокого бережка
В чистом пламени жарко взгрустнуть!

Все горит над забытыми крышами
В ненаглядной печали лицо.
На мою невозвратную Вишенку
Ты похоже, горюн-деревцо.

* * *

Хорошо с умытым полем
На заре перекликаться—
Песней росной, сердцем полным
От унынья отречься.

Самого себя к награде
Представлять, ядрёна лапоть,—
Просто так, души заради,
Безрублёво петь и плакать!

НА СИНИЧЬЕЙ ГОРЕ

Семёну Гейченко

Стихи стихают. Погасают дали.
С Россией распрощались журавли—
Откалялись, отпели, отрыдали.
И небу нету дела до земли.

Заваривает снежное причастье
Монах-ноябрь костлявою рукой.
Печаль и пепел. Хладное бесстрастье.
Бескровный день. Кладбищенский покой.

И не избежь зальделым кленам дрожи,
И не избыть распятие кресту,
И сумерки на вашу жизнь похожи,
И долог путь к запретному Христу.

Но это только миг, лишь промельк смутный,
Встревоженной души невольный вздох:
В глубинах нашей веры бесприютной
Неугасимы ни Поэт, ни Бог.

Цветут Святые Горы вокруг Синичьей,
Как желтые венки вокруг венца.
И всех, сюда взошедших, без различий
Сам ветер причащает из корца.

* * *

Заревою былою
Светится простор:
—Потягаться с хвилью
Выйди на бугор.

Не чужбинник-странник,
Рвущийся в юга,
Ты—Руси избранник:
Что тебе вьюга!

Рьяны вихрей хоры,
Загляни сюда,
Благо все и сборы—
Раз-два и айда!

Да и недалече
Песенный разгул
... Круто выгнул плечи,
Голову угнул.

Жарко хороводит
Снежная крутель,
В рученьки заводит
Лапушка-метель:

—Дочь я царь-тумана!
Мой ты навсегда!..
—Мне жениться рано,
Да и ты седа.

Вечная девица,
Сбавь крутую прыть:
Мне ещё крутиться,
А тебе крутить!

ВЛАДИСЛАВУ ШОШИНУ

Песней с прозой не наспоришь,
Не налиришь нежность зыку.
Без тебя, мой светлый кореш,
Что б я пел? Под чью музыку?

Может, спетый и охрипший,
До скончания дороги
Переводов бедным рикшей
Волочил бы еле ноги;

На заезженной шоссейке—
В «обещающих» поэтах—
Бодро стряпал бы затейки
О безоблачных рассветах;

Или песенкины тексты
Поставлял бы для подмостков;
Али складывал бы тесты
Для рифмующих подростков...

Мой радетель, мил-товарищ,
В дни замалчиванья песни
Голубой мечтой расхмаришь:
—От сомнения воскресни!—

Укоришь, незло и умно:
—Промолчи в подвох молчанья,
Не услышь хваленья шумна—
Жди земного величанья.

Не убавить, не умерить
Черногроз и краснорезов...
Да тебе ль стихам не верить
В храме лирики, Григорьев!

Тесной ночью ль, вольным полднем,
В час глухой ли злополучный—
Отзывайся вздохом полным
На удел души беззвучный;

Не пеняй на небылицы,
На загадки без отгадки:
С Русской Музой породниться
Можно только без оглядки.

ГУСАЧКА

Гусачка, Гусачка,
Комарья кусачка,
Ни броду, ни лавы;
Канавы да ямы,
То кривы, то прямы.
Ни чести, ни славы.

Гусачка, Гусачка,
Отрада-болячка
На лоне природы;
Строги твои дебри,
Дики твои вепри,
Темны твои воды.

Гусачка, Гусачка,—
Запева-заплачка,
Вьюны, да гадюки,
Да «Вшивая горка»¹...
Ништо здесь не горько
Мне. Кроме разлуки.

¹Брусничное место в Клину. Наягодни-
чавшись, бабы там «в голове искались».

* * *

Сухое поле алчно воду пьёт,
А ливень то отхлынет, то припустит.
И—хоть гроза—душа моя поёт:
Мне, грешному бродяге, не до грусти.

И свята заурядная вода:
Самой небесной влагой совесть мою.
Иду и всё! Не всё ль равно, куда:
Везде—земля и небо надо мною.

ЛИСТОБОИ

Бывает так: июлем знойным
Берёза срывает жёлтый лист—
И сразу станешь беспокойным,
И ясный день не так лучист;

Весомей дымка, небо строже,
Задумчивей шатун-камыш.
И ощутишь на жаркой коже,
Как выстывает в чаще тишь.

Услышишь: кроткая осина
Бросает в дрожь приют рябой;
Крадётся следом образина—
Угрюмый ветер-листобой.

Увидишь: табунится птица,
Вода стеклянной—глубь видна.
И сожаленье угнездится
В душе, распахнутой до дна.

И хлынет жар от сердца к горлу:
«Хоть лист, хоть царь—один вокзал...».
И в полдень врежешься, как в гору,
И спросит Совесть: «Не узнал?».

ОМУТЫ

Ивану Шевцову

Молкнет, хоронится ночью
Живность дневная окрест,
Воплю лешажьему волчью—
Рупором выставший лес.

В заводи, черной как деготь,
Грузно полощется сом.
Воду сгущенную трогать
Боязно мальцу веслом.

Яростно в тонкое днище
Ломятся лапы коряг.
Мокрой глухой бороdiceй
Шапку сшибает бредняк.

В уши пугливую небыль
Сеет сторожкий камыш.
Омут от звездного неба
Только рукой отличишь.

Сердце толкается гулко,
Зябким жарком обдает:
Качкая дедова «тулка»
Часто осечки дает.

Рывкнула ночь от дуплета,
Щелкнул взведенный курок...
Хоть не разбудишь рассвета—
Вспугивай тьму, паренек!

АВГУСТ

Озаренье. Смиренье. Прощение.
Сожаленье о мае легко.
Далеко-далеко цветение,
И снега далеко-далеко.

Кроме бед, что судьба наморочила,
Кроме ран незажившей войны—
Доброты и добра средоточие:
Ни суда никому, ни вины.

Расстоялась погода, разведрилась—
День по чистому счёту хорош:
Даже самая малая ветреность
Не качнёт отягчённую рожь.

Даже белая тучка отчалила
С окоёма в иную страну.
Даже зряшная горесть-печалина
Не нарушит в душе тишину.

Не нарушит: сомненье порушено—
Как волна над зеркальным прудом.
И под небом земля—не отдушина:
От хором до хоромины¹—в дом.

¹Хоромина—домовина, гроб (псковское).

ГОРЬКИЕ ЯБЛОКИ

Виктору Маликину

На доброй пашне, в широкополье,
Олешник вымахал да лоза.
В саду крушиновое раздолье
Глумится в горестные глаза.

Тропа лосиная, сыроежки,
Разлопушился вовсю репей.
Как непогащенные головешки,
Швыряет гуща тетеревей.

В тени цикута—пьянее, глуше,
На взлобке лысом—солнечный гнет.
И вдруг тебе, как смутную душу,
Чащоба яблоню распахнет.

Узнал? Припомнил босое детство?
Сад в белом смехе, в обнимке нив—
Совсем не чье-то, твое наследство,
Тебе завещанный белый налив.

Усладу-радость, льнущую к дому,
Бери, бывало, хоть из окна.
Тебе, тебе—никому другому,
Она тебе была вручена.

Ручей зачахший. Замшелый мостик.
Крыльцо—два камня по старине.
«Я рада, здравствуй! Надолго в гости?
Ну, как жилось на стороне?»

Чего ж срываешь ты шишки с ели?
Я зла не помню: добра не жаль.
Ведь нынче август—плоды поспели:
Иди ко мне—снимай урожай!..».

Пылает полдень, а мне морозно:
Как в суд с поличными привели.
Не надо, сердце! Еще не поздно
Просить прощения у земли.

ЕЛЕНЕ НОВИК

Сестра печали, луч во тьме слепой,
Теплинка мая—иволга певуча.
Без песни нечем жить тут: плачь, но пой,
Молчанием глухим души не муча.

Отрады нет ни сердцу, ни уму
В заморском иступлении ретивом.
Не ты одна не знаешь, что к чему,
Не ведаешь, брэнчать каким мотивом?

Каким, каким? Смятенье усмири:
Своим, своим!—не сводничать бесстыдно.
На жизни—ночь, и что ни говори,
Хоть как гляди, а свет-зари не видно.

Полна разбоя, страха и тоски,
Быль как боязнь, черна и нелюдима;
И без креста—кресты, и в тьме—ни зги...
Пой, ты, как песня, здесь необходима!

ЗИМНЕЕ

Тычет в глаза безмолвная гладь:
Гори, пока не угас!
Ни обогнуть, ни обогнать,
Никуда не запрятать глаз.

Нага, холодна, как вир без дна,
С канюком седым на кресте.
Только она, одним-одна,
Куда ни метнёшься—езде.

И два кургана светят на ней,
Точь-в-точь раскрытая грудь.
И вросших в землю глухих камней
Никакой зарёй не вспугнуть.

Никаким костром, никаким огнём
Не размять немой белизны:
И ночью и днём, ни ночью ни днём
Не размыкать до самой весны.

С ноября до марта равнине стыть
На ветру, калёном как нож.
Ни позабыть, ни разлюбить,
Ни взять, ни отдать всю дрожь.

Она насовсем, она в тебе—
Душа под коркою льда.
И каждая льдинка в её судьбе—
Твоя ледяная беда.

И каждая слёзка в кротких очах—
Солёное море твоё.
Причастись: веснеет в зимних ночах
Озябшее сердце её!

В СНЕГОПАД

Фёдору Абрамову

Вы видели кукушку на снегу?
Вы слышали раскатистую птаху,
Как будто голову кладущую на плаху,
Когда другие птицы ни гугу.

Когда апрель с морозом заодно:
Притих, забыл свое предназначенье.
И стонет, тонет голубое пенье,
Ложась на зимнее зияющее дно.

Так небывало: валит снегопад,
И огневает ломкий клич кукушки—
Как будто разгорается набат
На голой обессоченной макушке.

И, немо вопия, взметнул старюка клен
Кривые руки к серому восходу:
«Даруй, апрель, зеленую погоду!».
Но глух апрель—куржою убелен.

И снег лежит. Не хочет плакать снег.
Хохочет снег: «Сожги меня попробуй:
Прохоложу—не запоешь вовек!»—
И кроет землю белою хворобой.

Да, не до песен теплому комку
В тисках у холодюги-великана.
Но твоему горящему «ку-ку»
Уже поверил юный лес, Весняна.

Веди, буди от ледяного сна—
Земля должна, земля еще задышит.
Зови, бедуй: тебя поймет весна
И солнце огнеперое услышит!

ВЕЧЕРНЕЕ

Я иду. Один. Рядом с вечером.
Вечер—сам по себе, я—не сам.
На приглашенном, на рассвеченном
На лугу—широко глазам.

И пронзительность, и улыбочность,
И тревога прижилась в них.
И поёживается отзывчивость,
Утекая из сердца в стих.

Росы в ноги со всхлипом ластятся—
Слёзы ночи во сладость дня.
Дивы давние гулко бластятся,
Привораживая меня.

И подстёгивая, и пугаючи,
И веля: иди!—и держа.
И гульбит, грустя припеваючи,
Забурьяненная межа.

Воля, каторга ль—всё тут кровное,
Крест нещаден и свят—ты сын...
И—с самим собой—в поле ровное
Выхожу: один на один!

* * *

Бездонный берёзовый омут,
Густой полонящий озон.
И раны житейские тонут,
И годы ничуть не резон.

Идётся свежо и шажисто,
Навстречу—ликующий гул.
И сам, захмелевши от свиста,
Пускаешься в майский загул!

Ни вешки нигде, ни приметы.
Замшелая бедная даль,
Ты под ноги мне первоцветы
Кидаешь! Неужто не жаль?

Тихоня, зелёная буря,
О, как ты добра и крута:
Плакучие руки лазуря,
Чуть что, не придержишь кнута.

За шиворот цапнешь простецки
И вжихаешь: «Вот тебе! Вот!...».
И тут же наивно, по-детски,
Пофукаешь: «Всё заживёт!

Здесь путь твой—ничуть не прогулка,
Отсюда не пустишься вспять...».
И немо—и гулко-прегулко,
И знойно—и дрожь не унять.

То мчится листва—без движенья,
То замерла—крылья вразлёт...
Какое в тебе наважденье?
Какой колдовской приворот?

А может, не очень бы верить?
Но вера, как финка, остра.
И что ты там: явь или ересь—
Хоть в красные когти костра!

Ни края кругом, ни причала,
Как волны, кипят соловьи.
И нет ни конца ни начала—
Лишь ты да надежды твои.

* * *

Двадцатый век с десятым веком
Живут бок о бок, не тужа:
Моторный смех над Чудским берегом,
Глуши косматая душа.

Что ни распутье, то распястье,
Что ни распястье, то прогресс.
Благословенье и проклятье,
Как близнецы, похожи здесь.

Холмы, низины, буераки,
Дорога—чёрт её завил,
Столбы—извечные бродяги,
Антенны ввысь, как зубья вил.

Их музыка слышнее хлеба,
Их копий стари не унять.
Грозят Земле? Свергают Небо?
Кому же знать! Кому же знать.

С ПОСОХОМ

Я чегой-то сник в печали,
Призавянул, приугас:
На возлюбленные дали
Сколько дней не пялю глаз.

Сколько ночек-звездопадок
Не скитаюсь по земле.
А ведь я ли был не падок
Жечь костры в кромешной мгле.

А ведь я ли, вспомяните,
Был до зорек не охоч:
Не жалея сна и прыти
Бёг за утром через ночь.

Был на «ты» с дремучим лесом,
С крутовьюжьем и грозой.
Вдруг, спознавшись с модным стрессом,
Стал, ей-богу, сам не свой.

Только плакаться не буду—
Прозябать заздорово:
Возвернусь к родному чуду,
К сладкой горести его.

Будь хоть что, не будет хуже:
Посох в руки—и айда!
В колеях мутнеют лужи.
Здравствуй, водушка-вода!

Лист помре—скосила осень
Ноябриною косой,
Лысый луг травы не просит:
Усыпленье и покой.

Небо немо и широко,
Ветру зябкости не жаль...
Приюти меня, дорога,
Вразуми, зараспечаль!

НА ДОРОГЕ

Бреду невольно или вольно,
В пути упарился ль, продрог,
Но мне довольно, мне довольно
Своих скорбей—чужих тревог

И этой низменности серой,
И этих безучастных вёрст...
С какой тоской, с какою верой
Глядит в глаза мои погост!

Пугает, мает, заклиняет
Не преисподней за чертой—
О грешных днях напоминает,
О жизни брэнной и пустой.

В каком соблазне иступлённом
Гульбит священная земля!
И пляшут в празднестве зелёном
Её нетрезвые поля!

Хрипят леса, озёра страждут,
Ревут сверхвольтные столбы...
И вновь со старью в споре страшном—
Два детища одной судьбы.

Феномен века—побируха,
Такая ж странница, как я,
Пророчит, праведно и глухо,
На перепутье бытия:

—Твоя далёкая дорога
Горька, да горе дарово.
Как боязно не верить в Бога!
Как страшно веровать в Него!

Я и сама не шибко верю—
Видать, прогневался Господь:
Курю и пью, дорогу мерю,
Скрываю злость, лелею плоть.

Продленья дней не молишь—ловишь,
Сама себе—бедой-беда.
А ты! Не пьёшь? Не прекословишь?
Не копишь зла?
—Да как когда...

—Хоть грех, да жисть—не хата с краю:
Себя никто не превозмог...
Ну, прощевай. Благословляю.
Пойдёшь—дойдёшь. Спаси ты Бог!

ХУТОР

Григорию Дмитриевичу, деду моему

*К нам приехала бригада—
Две змеи, четыре гада,
Рубахи красны, портки в клетку—
Выполняют пятилетку.*

Частушка

Гришин хутор, хутор Гришин,
Обездворен, обескрышен,
Слезы льет у старых вишен.

Лью и я, да хоть залейся,
Хоть о дедов рай разбейся,
Не воскреснет, не найдется.

Не воспрянет. Зряшны стоны.
Зло плодит свои законы:
На растопку свят-иконы!

Ошалели лжевладыки:
На костер—святые книги!
На дрова—дворы и риги!

Налицо труды «бригады»:
Лебедой побиты гряды,
Светлу солнышку не рады.

Человечьей полон муки,
Дом заламывает руки:
Печь не разогреют внуки.

Три родимых человека—
Валентин, Василий, Лека—¹
Не вернутся с Битвы Века.

Полегли ужель напрасно?..
Все кругом от крови красно,
Завтра «светлое» ненастно.

Дело делать бесполезно:
Руки связаны железно.
Руки! Русь! Россия!.. Бездна?

¹*Валентин Тимофеевич Григорьев, Василий Петрович Григорьев, Лев Николаевич Григорьев—мои братья.*

* * *

В сини месяц спелый
Свесился над логом.
Голосок несмелый
Светит по дорогам.

На сто раздорожий
Он, как перст, единый.
До того хороший!
Так необходимый!

Не тебя ли ищет?
Не меня ль жалеет?
Встречу ветер свищет:
«Светит, да не греет».

ПРОВОДЫ

Людмиле Зыкиной

Потому что я сам осенний, что ли,
Мне осень всего милей?
Догорает смирнехонько мое поле.
Пригасает под горький зов журавлей.

Приникает. А они курлычут, курлычут...
А им усыпление—эхом— в ответ;
А их тонюсенькие березки кличут,
И одинокая девушка долго глядит вослед.

Взметнула руки к безучастному небу
И не шелóхнется. Некуда? Не взлететь?
Стоит чужая желанная небыль,
Погруженная в прозелененную медь.

А журавли всё выше, всё глуше,
Всё глубже тонут в прощальную тишь.
И вот уже нет их, лишь звон колокольный—
в уши;
И что в глаза наливается—не углядишь.

И я, затерявшийся, заробелый
И, может, чуточку сам не свой,
Гляжу, гляжу на платочек белый,
Застывший над непокрытою головой.

И зачем она? И о ком—так истово,
Так неусыпно, так целиком?
А ввечер из-за осинника багрянолистого
Слизывает дорогу вкрадчивым языком...

А поле грустит о крылатых рыдальцах,
О судьбе своей, о весне, о нас.
Но белый флаг в терпеливых пальцах
Трепыхнулся, снизился. И угас!

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Теперь ты песен прежних не поёшь,
По-новому смеёшься и горюешь—
Ты городу свою красу даруешь.
А я всё тут, всё на себя похож.

Пашу и сею. С мужиками пью.
И хоть бы что без городского быта.
Тревожу совесть—хмурую судью.
Припоминаю то, что не забыто.

У нас—дыши! Уж не томит жара,
И желтизною сентябрит из леса—
Приходит стихотворная пора.
Да это всё тебе без интереса.

А я всё виршами себя лечу,
Жду славу, всё надеюсь заработать.
Ты схмуришься: «Стило не по плечу»,
Прогневаешься: «Свой кусает локоть...».

Считай, как можешь. Каждому своё:
Ты любишь жить надёжно, я—надеждой.
Спокойной прозой душеньку утешь ты—
Не мне судить твоё житьё-бытьё.

Я не сверну с дороги, не тужи,
Не проклянута затученное солнце,
Я не один, мне есть что петь, кем жить:
Любимая—любимой остаётся.

* * *

Покойны жёлтые озёра,
Спокойны синие пески:
Они как старость без укора,
Они как юность без тоски.

Над ними плакала и пела
И старина, и новизна!
А им до века мало дела—
Всё та же синь да желтизна.

Хоть друг, хоть недруг хлопни дверью—
Ни радостно, ни горевно...
А я не верю, я не верю,
Что всё на свете всё равно.

УДЕЛ

В семнадцатый июнь— в моём запеве лета—
С ума сошла жарынь, рехнулась белоночь.
Я плакал, правя меч, кляня удел поэта,
Но небо и земля горели: «Слёзы прочь!».

А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И ворога любить, и милость к падшим
звать.
Но... меч в моей руке! Помилуй, правый
Боже:
Любовью надо жить и, значит, убивать?

Звенел калёный зной, как в цель попавший
выстрел,
Дымилась, чуя смерть, бессокая трава;
До дна клонило в сон. Да ночь короче искры.
И жаждали испить душа и дерева...

А может, грех роптать? Мой стон не без
ответа,
И с пролитой крови у жизни спросу нет—
Сбылось: пришли дожди, когда сгорело
лето,
И стала длинной ночь, когда покой отпет.

С ДОНЕСЕНЬЕМ

Окаянная доля—
Одному за двоих.
Бойся леса и поля—
И чужих, и своих.

Грозовая обитель,
Заколдованный круг.
И наган-утешитель—
Твой единственный друг.

Но и в скорбной юдоли,
И в плену дышит май:
Непокорства, и воли,
И любви—через край.

Дольний мир жарколистый
Заклинает, стена:
И не выстынь, и выстой,
Не споткнись у огня!

Не утеха—неволя,
Полусон, полустон.
Глянь: у леса и поля
Беспечалье—резон.

Деревá не сдалися—
И листвы дождалися.
Дотерпи. Помолися
В солнцезвёздную высь.

Не прогневай наганом
Грозовитую тишь!
Под косматым туманом
Проскользнёшь. Не сгоришь.

ЛЮБЕ СМУРОВОЙ

Гаснет, схвачен цепким заморозком,
Мраком взят-заполонен—
Чужеземным, злым, декабрьским—
Русских глаз июньский лен.

Над простором, в цепи брошенным,
Стонут очи, ночь кляня.
Не гляди, моя хорошая,
Не гляди так на меня.

Я и сам пронизан стужею,
Подступает к горлу ком,
Руки тянутся к оружию.
Дай гармошку! Запоем!

ПОСЛЕДНИЙ БОЛЬШАК

Недоступен лик и светел,
Взгляд—в далёком-далеке.
Что ей версты, что ей ветер
На бескрайнем большаке.

Что ей я, и ты, и все мы,
Сирий храм и серый лес,
Эти хаты глухонемы,
Снег с напуганных небес.

Жарко ноженьки босые
Окропляют кровью лед.
Горевой цветок России,
Что ей смерть? Она идет!

ПЕРЕХОД

Тимофею Егорову

У кромки старуха-осина
Хохочет, хохочет навзрыд.
Вязка ты, псковская тряси́на,—
И лось не опустит копыт.

К тебе и глухарь отошальный
По клюкву не смеет летать;
Кабан—вездеход одичалый—
Обходит пропащую гладь.

Здесь—прямо, и справа, и слева—
Стоглазая целит напасть,
Бурчит ее черное чрево,
Разинута красная пасть.

И нету нам выбора. Нету.
И можешь не можешь—иди.
—Судил Бог болотину эту—
Пять верст в киселе до груди!..—

Глумится ноябрьская стужа,
А избы, как май, далеки.
—Подсумки притягивай туже:
Патроны мочить не моги!

—Эй, зяблики, грейсь от заката,
Лечебных грязей не корить...—
Да кто ж вы такие, ребята?
Да как же России не быть?

* * *

Он промахнулся дважды.
В пяти шагах. В меня.
Я не горел от жажды
Убить. Но дал огня.

Раскочегарив дуло,
Плеснул из ППШа.
Его как ветром сдуло,
Не повезло, и ша:

Воткнулся в куст рябины
Дырявой головой.
Стояли сентябрины
Над лесом и травой.

Валялся хлыщ безродный,
Никто, кровавый бред.
Из пятерни холодной
Я отнял пистолет.

Не жаль его нисколько,
Да и себя не жаль...
Глазам от дыма горько?
Жура́вья жжёт печаль?

Ни звука, ни ответа
От неба и земли.
Пылает «бабье лето»!
Рыдают журавли!

ПРОЩАНИЕ

Было прощанье с отцом
Необходимым.
Жгло за окопным кольцом
Прахом и дымом.

Танк дотлевал на крестах,
Сталь вопияла.
Слезная в снежных местах
Слякоть стояла.

В полымя путь, из огня:
Родина в грозах!..
Вел ты за повод коня,
Нес я твой посох.

Крута сыновья стезя:
Долго ль сорваться...
Росстани. Дальше нельзя.
Надо прощаться.

Был ты, как вечер, уныл,
Полон смиреньем—
Трижды меня осенил
Крестным Знаменьем.

Я парабеллум трикрат
Вскидывал в небо:
—Честь тебе, старый солдат,
Выразить треба!—

И, поклонясь до земли,
В руки—поводья.
Тойфель¹ тронул:—Пошли,
Вражье отродье!—

Пряма дорога была,
Как наказание:
Мокра да сизо-бела...
Жизнь партизанья!

И, до последнего прав,—
Во след мне глядя,—
Бороду в посох вогнав,
Плакал мой батя.

¹Тойфель—черт (нем.); кличка моего трофейного коня.

КОНТРАТАКА

Виктору Объедкову

На взло... на взлобке—взрыв за взрывом,
В стах саженях—не наша власть.
Мы выстроились под обрывом
(Куда снарядам не попасть).

Нас—тридцать восемь, чад разведки,
Сорви-голов лихой войны.
Предстал комбриг:—Здорово, детки!
Сам поведу! Беречь штаны!..—

И он, как русский волк матерый,
На лежку прусских кабанов
Метнулся, яростный и скорый!
И было нам не до штанов.

Всклень в лихорадке наважденья,
Войдя в злосчастный русский раж,
Мы проломили загражденья,
Вбегли, втекли, вползли на краж.

И там, и там—во гнездах гажьих—
В окопах, глыбью до груди,
Сошли с ума две силы вражьих—
Врагу, Господь, не приведи!

ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ

Георгию Савельеву

Загороженный врагом путь,
Вдоль шоссе—звериный чапыжник.
Стонет хрипло дорожный булыжник,
Пряча мины в разверстую грудь.

Тяжко дышим мы, глухо и зло,
Ковыряя корягой каменья.
Окаянная служба отмщенья:
Диверсант-подрывник—ремесло.

Время темное—полночь близка.
Завтра день мой: лишь птицы аукнут—
Стукнет двадцать мне, если не стукнут.
Защити нас, туманец леска!

Где-то матери наши сейчас?
Я-то знаю: им нету покоя.
Пусть помолятся, дело такое,—
За себя, за Россию, за нас.

Дай им Бог! А над Плюским шоссе—
Три часа—пригасают стожары,
Будят утро немецкие фары,
Дым и пламя, и грохот в росе!

Гоша лыбится:—Огненный пир:
Догорают ошметки машины,
Догулялись четыре вражины.
С днем рожденья тебя, командир!

АЛЕКСАНДРЕ АГАФОНОВОЙ

Светлый ангел,—сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?
Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги—темнота.

Горькой доли глоток, не бессмертья,
Мне бы надо вкусить позарез!
Кроткий ангел, сестра милосердья,
Неужель я для смерти воскрес?

Неужель озноблённое сердце
Мне в заброшенной хате не греть?
Не избывшему крест одноверца,
О сгоревшей любви не гореть?

И, добыв-таки рифмы золоты,
Не валиться, счастливому, с ног?
Или верные друзья—заботы
На меня наложили зарок?

Неужели?.. Да выпеснишь разве
Все соблазны житейского дня?
Скорбный ангел, дарующий праздник,
Заругайте, засмейте меня.

Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любой,
Лишь бы не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

Чтобы петь на неистовом свете,
Разумея: бесменна страда.
Только б русскую душу на ветер
Не пустить—ни про что— в никуда!

ПАМЯТЬ

У тихого леса
Святое проклятое прошлое:
Горюнится лобное место,
Невинной полынью заросшее.

Роняет ракета,
Как гильзы, латунь сентябриную...
Забыто, забыто, забыто.
Зарыто. Заровнено глиною.

Ни рва, ни кровинки—
Всё годами списано, сглажено.
Осинами стали осинки,
Лепечут: «Всё мирно, всё слаженно.

Прихожий, прохожий,
Не стой, выстывая под тучами:
Не надо, не надо тревожить
Могилы глазами горячими.

Им выситься долго,
Их горького долга твоё не касается...».
Но давнее—взяло! отволгло!—
Как ливень слепой разгорается.

Поляна за кромкой,
Как сердце седое—урочище,
Морозище, красный и громкий,
И шмайссера око хохочущее.

И эти осинки—
Прямые, рядочком, одиннадцать.
И заступ в дымящем суглинке,
И ров. И нельзя отодвинуться.

И унтер хрипящий,
Как будто не он—нас, а мы—его!
И рядом, ах, рядом до чащи.
И выдох стелящий:—Мы з Києва-а!..

И всё. Темнотюга.
Ни боли, ни жара, ни холода...
Очнулся я: плакала вьюга
Разгневанно, истово, голодно.

И хлюпало глухо
В груди, рушником запелёнатой.
И всё повторяла старуха:
—Сказнённый, а смертью не тронутый!..

Скорбяще глядела,
Крестила усохшими пальцами:
—Пожуй—подходяще для тела.
В картошку б—солицы да сальца бы!..

И ладно ли, худо—
Творила она милосердие.
И тот, кто не верует в чудо,
Уверуй: дышу после смерти я.

И память—живая,
Бессонная, жгучая, длинная—
Стучится, взывая:
Поляна! Поляна полынная!

БЛУДНЫЙ СЫН

Была неприютна погода—
Покров мокроснежил и дрог.
Так случилось уж: трудных три года
Я тут не ступал на порог.

Печального образа рыцарь,
Каких только чуд не чудил.
В погоне за стервой жар-птицей
Ни песен, ни крыл не щадил.

По разным чужбинам шатался—
Скобарь, шантрапе ль побратим?
Измучился. Родине сдался.
И, пленный навек, победил.

Пред этим обиженным домом
Я плачу. Я снова рождён.
И пахнет знакомым-знакомым:
Позёмом да вешним дождём.

* * *

Мне бедный лог, осенний лог
За тьмы изломом
Не будет, как бы ни продрог,
Холодным домом.

И что с того, что ни листка
Над гребнем сизым:
Травы зелёная тоска —
Ненастью вызов!

Мне никогда, мне никогда
В час непогожий
Не станет стылая вода
Змеиной кожей.

Пускай всё плёсо на ветру
Шипит и вьётся.
Но вечером иль поутру
Заря прольётся.

И потеплеют холода,
И тихо станет.
И хорошо, а не беда,
Коль друг обманет.

ПРИСКАЗКА

Ржавь—золотые соты,
Сонь—бег ручья.
Кто ты? Кто ты? Кто ты?
Чья? Чья?!

За топию страшную—
Весёлая цветь.
Не взыщи, что спрашиваю,
Ответь, ответь!

Буйно, бойко
Бьёт ключ-студенец.
Тесак разбойника?
Меч-кладенец?

Чёрные ольхи
В кольце разрыв-травы.
Протяжные вздохи
Бездонной синевы.

Как рыба в неводе,
Тычешься в неоглядь:
Негде, негде
Сердце унять.

И пусть бы от тесности,
А тут—от широты.
В такой дремучей местности
От воли жди беды.

В сторону каждую
Распахнута дверь.
Бегучую жажду
Уйми, умерь.

Размыкай, прикончи
Гулкую тишь...
А ты всё звонче
Взахлёб журчишь:

«Живое сердце
Зачем унимать?
Ключу не напеться,
Не отсверкать...».

Ты смотришь так шало
И грустно так.
Пути начало?
Последний шаг?

В таволгу, в ряску
Прольёшься весь.
А мне бы сказку
Воплотить в песнь!

Ведь я и не был
Ещё ничуть.
Былину мне бы
В былль обернуть!

Ты молчаливо
Велишь: «Иди,
Не сбейся криво,
В оба гляди.

Внемли, мой сына:
В истоке моём
Веющая былина
Порастает былльём.

А впереди, под взгорком,
Где бой кровавый был,
На пепелище горьком—
Радостная былль.

Направо—сказка
С дурнем, с дворцом,
Любая развязка
С победным венцом.

Песня—налево,
Плач из души,
А припев! От припева
Хоть пляши.

Есть и награда,
Не даром зову:
Разве не отграда
Уйти в синеву,

Что шаг—новоселье
Своё справлять?
Разве не веселье—
Со мной горевать?

Зрочки таращить:
Перед грудью—даль,
Блескуча, звеняща,—
Чем не медаль?

А забвенье жалобное
Избудет... Ничего.
Будет и жалованье,
А как же без него:

За сказку—сто,
За былль—кому что;
За былину—пятак,
Песня—за так».

Розе Королёвой

Насторожённый покой. Замирание...
В зыбкий туман, в застеклевшее озеро,
В зелень
 рукой неминучею вранена
Желтая грусть разгулявшейся осени.

Коростели никого не аукают—
Дальней дорогой за песни заплачено.
Только листве не смириться с разлукою,
Не разувериться сердцу горячему.

Полю, косматому как наваждение,
Гулкому лесу, притихшему месяцу
Грезится милых шагов пробуждение,
Отголубевшая молодость грезится.

Кажется, только прислушайся к полночи—
Легкие ноги о травы заплещутся!..
Осень своими причудами полнится,
Что ей за дело, кому что мерещится.

С горькой осины, со сладких яблонек,
С неба густого над зябкой левадою—
Падают листья, падают яблоки,
Падают звезды.

Падают... Падают.

ПЫЛАЮЩИЙ СКИТ

Александрю Гусеву

Не прибыльна песня об этом,
Вся—пламя, октябрьская тишь:
Коль выпало статья поэтом—
От первой же искры сгоришь.

Что правда, то правда: сгораю—
Вся глушь как пылающий скит.
Поэтому я выбираю
Погоду, когда моросит.

«В такое бездожде беречься?
А грянет ненастье—запеть?
Да это ж от злата отречься!..» —
А мне бы—дотла не сгореть.

НОЯБРЬ

Как сиро и как стыло на земле,
Как немо и неласково в природе:
И мокрый снег—седого пепла вроде,
И день, и ночь, и даль светла—во мгле.
Как сиро и как стыло на земле.

Большой изъян сквозит в моих краях:
Пугливые молоденькие ивки,
И эхо, и ручьи, и зорь обрывки
Устали помышлять о соловьях.
Большой изъян сквозит в моих краях.

Предзимью сожаленье не дано:
Оно сечёт и жжёт поля нагие.
Разлука, сутемь, горечь—летаргия,
Просторы—как закрытое окно.
Предзимью сожаленье не дано.

Но ты иную песню заведи:
Что толку от рыдалистой отходной—
Холодной, непогодной, безысходной,
Которую заладили дожди.
А ты иную песню заведи.

В самом себе ненастье укротив,
Сноп вешних слов спали в костре напева—
Жги, не жалей их: словеса—не древа,
Они воспрянут, песню осветив.
Сжигай слова, чтоб не остыл мотив!

ОЗАРЕНИЕ ОСЕНИ

Антонине Вильгельминой

Было шорохливо и, как в песне, складно,
Зябко и тревожно, вольно и отрадно.

Даль—не за горами, и идти далёко,
И совсем безлюдно, и не одиноко.

Было увяданье, только не разлука—
До весны прощанье, в верности порука.

Надо же: такое на душу намчится!
И душа-должница тихо залучится;

И душа земная призрачным поверьям
Робко отзовется лаской и доверьем;

И совсем забудет, кто ее обидел,
И—светла—вернется в грешную обитель,

Где печали вдоволь и веселья вдосталь,
Нет и расставанья: впереди—лишь расстань.

* * *

Поклон, поклон, ржаное поле,
Прозрачный брод, косой стожок!
Мне жар земли безверье сжёт—
Ни зла, ни зависти, ни боли.

Здорóво, ласковые звери—
Ежи, сороки и ерши!
Ей-богу, с вами хоть пляши:
Душа добру открыла двери.

Привет вам, грозовые тучи
И дымчатая голубень!
Спасибо, беспечальный день,
За всё, что завтра неминуче.

ДУША

Разлука-даль стихи слагает:
Уйди в зарю из шалаша!
И в том пути изнемогает
Моя бездомная душа.

Уже и утро пролетело:
Передохнуть бы у ручья.
Но хоть бы что душе до тела,
Она торопит: даль ничья!

Уже и вёрсты ночь итожит,
И телу брэнному невмочь.
А вот душа изныть не может,
Ей никогда не изнемочь.

Она, как небеса, нетленна,
Её, как совесть, не унять.
Твердят: «Душа у тела пленна».
Кто у кого в плену, как знать?

* * *

Дорогие лесные пустыни,
Серой ольхи плакучий разбой.
Здравствуй, робкая былка полыни!
Мне нисколько не горько с тобой.

Неказиста трава, неприглядна,
Худосочна—и что там ещё?
Мне надёжно с тобой и отрадно
Опереться на дружье плечо.

Ни обиды на сердце, ни боли,
Тихий свет—от земли до небес...
Как давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!

Ты дубы на полянах огромнишь,
Рвёшься к зорям, орёл крутокрыл.
Ты меня поневоле не помнишь,
Я по воле тебя не забыл.

Будет всякое, всякое будет
В наших судьбах, таких горевых:
Нас прогонят, обманут, осудят,
Нас отвергнут от зорь заревых;

Нас ещё позабудут, забросят,
Опалят беспощадным огнём
И железной секирою скосят...
Только мы всё равно не умрём.

Хоть чего натвори-понаделай,
Присудив доконать на корню,—
Наши корни в земле порыжелой
Не унять никакому огню.

Так давно мы не виделись, Поле,
Не аукались, Песельник-Лес!
Ни обиды на сердце, ни боли.
Тихий свет—от земли до небес.

ГРАЧИ

И дым отечества нам сладок и приятен!
Александр Грибоедов

Добрались до отечества грачи
(Мы все, живые, рвёмся к дому, рвёмся).
Метель плюёт им в очи: не кричи!..
А птицы уповают: перебьёмся.

Февраль в размахе—месяц до весны,
Морозы напоследок стервенеют.
А думы птиц, как вешний день, ясны:
Они в добро не верить не умеют.

Повременить бы им до Сороков,
Перегодить бы стужу обочь моря—
Не ведали б нещадных облаков,
Не знали б ни погибели, ни горя.

Они обсели брошенный овин:
Сидят и ожидают Утро года.
Не все дождутся тёплых луговин,
Не все услышат звоны ледохода.

Над ними высь крута и холодна,
Под ними—снег, за ними—снег, пред ними...
Да родина у всех, у всех—одна.
И птицы уповают в отчем дыме.

* * *

Я в русской глухомани рос.
Шагнёшь—и прямо на задворках
Простор, да мох, да плач берёз,
Да где-то град уездный Порхов.

В деревне—тридцать пять дворов,
На едока—полдесятины;
В лесу Клину—навалом дров,
В реке Гусачке—вдосталь тины.

Народ—на голыше босяк.
А ребяtnю что год рожали.
Как жили? Всяко: так и сяк—
Не все, однако, прочь бежали.

Большим не до меньш^их—дела:
Не как теперь—не на зарплате.
Нам нянькой улица была,
А в дни ненастья—печка в хате.

Про з^иму что и вспоминать:
Метель вьюж^ила на болоте—
Зима и сытому не мать,
Хоть в шубе будь, да всё не тётя.

Весной сластились купырём,
Подснежной клюквой да кислицей;
Под май—крапивки поднарвём:
О вешний суп с живой водицей!

Зато уж лето детворе
Надарит бобу, и орехов,
И птичьих песен на заре,
А солнышко нажжёт доспехов...

Нас в люди выводила Русь
По милости земли и неба;
Пусть хлеб её был чёрным, пусть,
Но никогда он горьким не был.

* * *

Простодушно удружила,
Все сомненья трын-трава.
Размахнулась, закружила—
Только кругом голова!

Замелькали пёстрой птицей,
Синекрылою звездой;
Стала кровом и криницей,
Позабытой бороздой,

Храмом, дальним и неожиданным,
Льющим в душу тихий свет,
Беззаветным, безобманным...
Это здесь-то Бога нет?

ПОГОСТ ЖАБОРЫ

Жа́боры как жа́бры без воды—
Жа́боры, где Русь меня крестила!
Ямы, рвы—нашествия следы.
Мать-земля, чего ты нам простила?

В речке Узе—сладости полей—
От сухмень-печали недороды:
Ни прозрачных струй, ни головлей.
В чьи моря сбежали наши воды?

Скручен стрежень. С доньшка песок
Нагишом: тростиночки не светит.
Источил плотину чей брусок?
Резвы рыбы в чьи попали сети?

Памяти усопшие места.
Детям деловым не до погоста.
Бедная церковка. Два креста.
Неужель на свете всё так просто?

Здесь мой дед и бабка—кровь-родня,
А не здесь, так—там: твоя и наша,
Скорбно дожидаются меня.
Иль кого сия минует чаша?..

Не людская—густороння тишь.
И не знамо, хорошо ли, худо,
Что грехи нам прощены... покуда.
Ну а завтра? Вдруг да не простишь?

Поэтические книги Игоря Григорьева

«Родимые дали».—Стихотворения. Ленинград, Лениздат, 1960.

«Зори да вёрсты».—Стихи. Москва—Ленинград, «Советский писатель», 1962.

«Листобой».—Стихи и поэмы. Москва, «Молодая гвардия», 1962.

«Сердце и меч».—Стихи. Москва, Воениздат, 1965.

«Горькие яблоки».—Лирика, Ленинград, Лениздат, 1966.

«Забота».—Поэмы. Ленинград, Лениздат, 1970.

«Ожидание красного дня».—Стихи. Москва, «Молодая гвардия», 1970 (в сборнике стихотворений «Ровесники»).

«Отзовись, Весняна».—Лирика и поэма. Москва, «Советская Россия», 1972.

«Не разлюблю».—Стихотворения и поэмы. Ленинград, Лениздат, 1972.

«Красуха».—Стихи. Москва, «Современник», 1973.

«Целую руки твои».—Лирика. Ленинград, Лениздат, 1975.

«Жажда».—Стихотворения. Ленинград, «Художественная литература», Ленинградское отделение, 1977.

«Стезя».—Новые стихи. Ленинград, Лениздат, 1982.

«Жить будем».—Стихотворения. Москва, «Советская Россия», 1984.

«Уйти в зарю».—Стихотворения и поэмы. Ленинград, Лениздат, 1985.

«Дорогая цена».—Стихи. Москва, «Современник», 1987.

«Вьюга».—Поэма. Ленинград, «Редактор», 1990.

«Русский урок».—Лирика и поэмы. Ленинград, Лениздат, 1991.

«Крутая дорога».—Стихи о судьбе и Родине. Псков, «Отчина», 1994.

«Кого люблю».—Посвященные стихотворения. Санкт-Петербург, «Путь», 1994.

«Набат».—Стихи о Войне и Победе. Псков, «Отчина», 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

Владислав Шошин. Поэт последней деревни	3
Зима 1993	10
Россия	11
«Горемаятная родина...»	12
«В селе петушья куролесица...»	13
«Тебя принимая, себя не жалею...»	14
«Звездопада Августовна—ночь...»	15
Внуку	16
Сыну	17
«От деревенщины моей...»	18
«Не шелохнется, не встрепенётся...»	20
«До чего же невесёлая картина...»	21
Светлане	22
Вечер	23
«Немы и пусты...»	24
Безвременье	25
«Сушь—земля сырая...»	26
«Льют лиловые потёмки...»	27
Перед Россией	28
Пробуждение	29
«Чтоб сердечней биться...»	30
Воспоминание	31
«Ты ушла. Никто нейдёт...»	33
Весна	34
Диане	35
Верба	36
Песня	37
Маргарите	39
Октябрины	40

«Прошла поспешно мимо...»	42
Непогода	43
«Живёшь... и вдруг увидишь...»	44
«Было, нет ли? А коль было...»	45
Аист	46
«Выдохлась метель, зима устала...»	47
Ларисе Спиридоновой	48
Оправданье	49
«Звезду обманчивую стёр...»	50
Перед дорогой	51
Твой дом	52
Веселины	53
Во времена года	54
За цветенью	54
За листопадом	54
За вьюгой	55
За паводком	55
Дикие яблони	57
Вербная ночь	58
Под звёздами	59
Вьюга	60
«Дом ты мой, дом пустой...»	62
«Спит земля, огромна и печальна...»	64
«Чем, берёзки, вы лето обидели...»	65
Лирика	67
«Разжалей, простив обман...»	69
У причала	70
Вишенка	73
«Хорошо с умытым полем...»	74
На Синичьей горе	75
«Заревою былью...»	76
Владиславу Шошину	78
Гусачка	80

«Сухое поле алчно воду пьёт...»	81
Листобой	82
Омуты	83
Август	84
Горькие яблоки	85
Елене Новик	87
Зимнее	88
В снегопад	90
Вечернее	92
«Бездонный берёзовый омут...»	93
«Двадцатый век с десятым веком...»	95
С посохом	96
На дороге	98
Хутор	100
«В сини месяц спелый...»	102
Проводы	103
Письмо любимой	105
«Покойны жёлтые озёра...»	106
Удел	107
С донесеньем	108
Любе Смуровой	110
Последний большак	111
Переход	112
«Он промахнулся дважды...»	113
Прощанье	114
Контратака	116
День рождения	117
Александре Агафоновой	118
Память	120
Блудный сын	123
«Мне бедный лог, осенний лог...»	124
Присказка	125
«Насторожённый покой. Замирание...»	129

Пылающий скит	130
Ноябрь	131
Озарение осени	132
«Поклон, поклон, ржаное поле...»	133
Душа	134
«Дорогие лесные пустыни...»	135
Грачи	137
«Я в русской глухомани рос...»	138
«Простодушно удружила...»	140
Погост Жаборы	141
Поэтические книги Игоря Григорьева	142

**Григорьев
Игорь Николаевич**

Боль

Избранное

Редактор В.А. Шопин
Технический редактор В.Д. Литвянова
Корректор В.П. Краснопецев
Оформление В.М. Мухина

Сдано в набор 23.11.94. Подписано в печать 7.12.94
Печ. л. 3,5. Тираж 1000 экз. Фотонабор. Печать оф-
сетная. Заказ № 1120.

«Путь», 194352, Санкт-Петербург, Придорожная
аллея, 11.

Отпечатано в типографии МП «Принт», г. Псков,
ул. Новаторов, 3.